

Литературная страница

РАССКАЗ

ЛЕТОМ в кузнице дед Митрофан дверь не закрывал. Утром приходит, снимет замок, распахнет тяжелую прокопченную дверь, подопрет ее старыми забрызанным сошкой, даст она и стонет до самого вечера. Помещение кузни пыльное, и в нем пахнет окалиной и горячим паром. Дед Митрофан всю жизнь посвятил кузнечному делу. Мастерство он перенял от своего отца. Работал старейший кузнец с Василием Поляновым, парнем незагорелым, но крепким и сильным.

Васютка, как его попросту звали в деревне, попал сюда случайно. В бригаде он как-то не пришелся по душе. Несмотря на силу и трудолюбие, он был тихоней. Прежде чем приступить за какое-то дело, он подолгу придирывался, с чего начать. Работал не спеша, размеренно. И окрики на него не действовали. Он окончил в соседней деревне семь классов. Дальше учиться не стал. Не то чтобы не было желания, а дома сидела большая мать. Талантов в себе Васютка не открыл, а деревню любил, и потому не помыслил уезжать...

В подкузную кузину вошел председатель колхоза Валентин Петрович Адамук. Осмотрелся бегом и присел на чурбак, вкопанный в земляной пол. Старый да малый лихо вызванивали дробь, наковальне. Старик, кивая маленькой, сушеной головкой, укладывал молотком место на красном куске металла, а Васютка с легким выдохом бросал посадистую кувалду. Потом кузнец клал молоток попереки, и Васютка ронял кувалду в проволочное гнездо. Старик тут же принимался яростно колотить железо.

Председатель заблуждался работой кузнецов и на время забыл, что его пригласил сюда. И только когда Митрофан утер рукавом пот со лба и повернулся в сторону гостя, Адамук поднялся с чурбана, загорялся.

— Смеешь ли, Митрофанчик, не знаю. На токарном таком под старь, Грабли из строя вышли...

Председатель протянул гебошную храловик с отколотым зубом. Старик молча взял деталь, прикинул на руке, будто определял вес, и швырнул ее в ящик. Сердце председателя дрогнуло и завывало, придется все-таки переплавлять специально человека за реку и вести в центральную мастерскую. Времени увидит уйма. Но кузнец добродушно кивнул на ящик.

— За морем и телушка-подушка... Все одним магазином. Кузнечное дело в лагоне... Через пару часов Васютка добезит, наступит грабли. Этак-то...

СОЛНЦЕ зашло в зените, когда Васютка вышел из кузницы. Идти ему не хотелось, но послушаться деда не посмел. На людях он чувствовал себя не в своей тарелке, а отшучиваться не мог и всякий раз краснел, когда к нему обращались с вопросом. Отчего бы, казалось, краснеть? Лицом Васютка не дурной, волос темный и глаза большие, орехового цвета. Вот разве подоборяд у него широкий, какой-то квадратный. А так он парень видный.

Васютка аскинул на плечо мешком с инструментом, перемахнул через плетень, пошел огородами тетки Анфисы — так прямой. Зашагал краем сужого лога. Внизу, говорит, когда-то тек ручей и впадал в Уньгу. Место с тех пор и называется сужим логом.

— А если я по дому за-
гущу.
Под снегом и фианку отыщу.

И вспомню о Москве...
Выбирайся на другой берег лога, Васютка с удальством шел и почему-то грустит.

Вскоре показалась бригада. Люди рабали дружно.

сено раскидывай, вороши его несколько раз кряду, пока оно снова подсыхает.

— Надо прибавлять шаг.

Без граблей там худо», — решил Васютка, убыстряя шаг.

Колхозники начали сразу два стога с обода. Выложили только основания. Люди обеих звеньев поглядывали друг на друга и торпылись. Каждому хотелось выйти победителем.

Васютка подошел к вагончику, что стоял на толстенных деревянных колесах, и спросил у поварих:

— Тетка Мария, где тут сломавшие грабли?

Женщина приунылась, оглядела парня с ног до головы и покачала коричневой от загара рукой на молодой березняк.

— Вы там, родниченький, они приуныли второй день. Васютка тряхнул сумкой с ключами и пошел к указанному месту.

— Сыскался, — проворчала повариха, но за Веркой пошла.

Погода торпела. Туча росла медленно, но упронио. Чуть потемнело, Васютка осмотрелся и посоветовал звеньевому Петру Полкокову:

— Гребито ладно, Коней из конных граблей выярять и в волкошуги...

— Дело! — одобрил Полков.

Несколько добавочных волокуш ускорили подвозку сена, и возле стога стало жарче. Проворней замелькали потные смуглые руки. На них вспушились синие упрюгие вены. Васютке нравилось, когда у него ладони назывались горячим зудом от сильной работы. От напряжения часто стучало сердце, в теле появлялась горячая бодрость.

— А тракторная волокуша? — спросил Васютка у Анатолия Кукуева, что был

вал на ладони и подцепил с волокуши конну, метнул ее Евдокию.

— У-ух, Васютка, молодец! Только с пупка не сорвись! Не горячься понизу — умахешь!

Не умахешь! — просто ответил парень. Он хорошо знал острый, как бритва, язык своей соседки и поэтому боялся вступать в перепарку. Но Евдокия молчала, не могла. Она паписто упреждалась с сеном и одновременно сыпала воркующим голоском:

— Васютка, а почему ты стеснительный такой, а? Ведь и бобылем недолго остаться. С виду, вроде ты парень... Да куда стошь целыеца? Отуемди, пари. Вперезь надорвешься.

А Васютка разохотелся. Подходил лошади, он, не давая им остановки, вби вал черен вила в землю вперед концы, упирались прочно ногами, и сено оставалось у стога. Затем рызок — и конна ныла наверх.

П. ШМАКОВ

РОЖДЕНИЕ

как большой заведенный механизм. Один подвозили сено на лошадах к стогу, другие закидывали большие пласты наверх. Млад недалеко в жаре березовый колдок. За ним оляты светлела степь. Там в послевоенные годы, когда Поленовы держали корову, мать косила травы на сено. Коровы они звали Мартой Видимо, народилась она в марте. Васютка хорошо помнил, что молоко от нее было густое и вкусное. А когда Васютка подрост, мать продала корову.

Над степью парил коршун. Будто в истоме, он медленно свешивал крылья, и зорко всматривался вниз. Васютка приостановился и стал следить за большой птицей, но тут же себя одернул и зашагал травяни дальше. Вспомнилась мать, молодой и красивая. Говорит, что красней в деревне не было. И любила она Леонида Толмонова. Бригадирит он теперь в соседней деревне. Поссорились, и мать вышла замуж за Федора, отца Василия, который погиб на войне. Васютке обидно за отца. Он не помнит его, но сохранились фотографии. На них отец выглядит красивым и смелым.

ВЛИЦО был запах морковника. Поодаль Васютка видел заросли этого белоозонитного великана. Вправо, за рекой, над сильым дымокопачным краем земли пылала серая легкая тучка. На вид она была безобидной, но Васютка знал, что в летнюю пору такие крошки могут принести грозу. Она сейчас не-кстати. Стога не сделаны и наполовину. Пробьет до самого низу дождем, потом

К вагончику подъехала учтица Пера Климова.

— Не спеть к дождю. — сказала она, грустно поглядывая на тучу.

— Поспеть надо, — ответил Васютка, — скажи, чтобы трактор под грабли гнали. Пусть налегают.

— Бригадиря сыскают с утра не можем, — худенькая и какан-то печальная, она не могла сердиться и просто куклилась недовольно, как ребенок. Верка перевернула остеренными плечиками под тугую, и по росту кофточкой и виннато посмотрела на Василия.

— А ты замени его. Учтица ж, трактор под грабли, сама вилы в руки и к женщинам.

— И то думаю, — Верка сняла с плеча сумку, оставила ее в вагончике и направила к стогам. Лицо у девушки было маленькое и крохотной косинкой — под пугливыми ресницами, и на подбородке выматина. Все это Васютка увидел одним разом. А ведь знает ее давно. Учился в одной школе. Тоненькая талия, тоненькие руки с морщинистыми локотками — все это показалось ему новым и необычным. Неожиданно затеплился в груди у Васютки, и ему захотелось посмотреть ей в лицо снова.

— Вер! — окликнул он девушку. Та остановилась, повернулась в плугоборот и посмотрела прямо в глаза. От этого взгляда он смутился и нарочито грубо сказал:

— Захвати с собой тетку Марью. За двоих сработает!

рядом с ним. Мужчина недовольно пробормотал:

— Ванька увез жену в больницу. Так вот стоит...

— Некому больше?

— Кому чужая машина нужна? Отвечать? Сергеевко, вон, разжалованный.

Васютка подбежал к седьмому стогу. Сергеевко, здоровый хмурым мужчиной, словно робот, подавал сено наверх.

— Не успею до дождя, дядя Коля? — спросил Васютка.

— Не успею, яви тебе, — отозвался тот, и его черные ладони брызжало столкнулись у переноски.

— На волокуше тракторной бы поспели. Малость осталось.

— На чужую не могу.

— Сено замокнет. Возми опояса с ним, Поиду зимой учиться на тракториста.

— Николай, чего застопорил? — спросила сверху Евдокия, соседка Васютки, полная, но удивительно проворная женщина.

— Да вот, дядя Коде бы за волокушу сесть и подвести сено, — закричал в ответ Васютка, — а я бы за него здесь управлялся...

— Ты, Коля, не коверкайся, ступай на волокушу. Становись, Васютка, да поспевай за мной! А не то спишу тебя с мужского племени, — засмеялась Евдокия озорно, по-молдому, показывая белые красивые зубы. Скуластое лицо, обтянутое коричневой кожей, мокрое от пота и в крохотных сенинках, прилиших к нему, казалось ярким. Васютка перенал вилы от Сергеевко, попле-

ТУЧИ тем временем наливались грозой. Евхидю по-свержили молнии. То в одном краю, то в другом. Через полчасца посыпался шум дождя. Крупные капли разом пришли вместе с шумом. Дождь сразу ударил по плечам, по сухому сени. От земли потянуло свежим дымчатым парком и запахом молодым огурцами.

Колхозники не успели до дождя самую малость. Остаток сделать не успели. — Ничего страшного! — сказал Анатолий Кукуев, втыкая вилы в бок стога. Ветерком продует живо. Да разве снять чуток придется.

Васютка увидел, как женщины бежали к конне и прятались с виегом под нее. Среди прятавшихся была и Верка. Даже рукой махнула Васютке. В этом он, правда, не совсем был убежден, но как будто махнула. Васютка посмотрел на Кукуева со стороны и донолго сказал:

— Вот и хорошо...

— Ему неудержимо захотелось смеяться. Чтобы никто не заметил его глупого смеха, Васютка отвынулся от Кукуева и пошел к березовому колду, где оставил инструмент. Вскинув мешок на плечо, он легко зашагал по сыррой траве, запрокинув голову навстречу шумному дождю.

Разгоряченный, радостный от быстрой и ладной работы, Васютка чувствовал себя счастливым человеком, каким еще ни разу не приходилось быть. Будто это был совсем не он, а новый человек. И он уже не слышал, как Евдокия, спрингнув со стога, смотрела ему вслед и пронкино, вено уронила:

— Вот ведь и вырос. Мужнина стал... И смекалка есть — хоть в бригадирь ставь...

Вспомнил Васютка Верку, как она стояла к нему в плугоборот, и опять засмеялся. И опять зашел о груди по дому, о фианке, о Москве. Но теперь ему не было грустно. Необъяснимая радость все сильнее и сильнее ширилась в груди.

Редактор
В. И. КОРАБЛЕВ.

НАШ
АДРЕС

Краснинский, ул. Советская, 6. Телефон: редактора 1-09, зам. редактора 1-11, ответственного секретаря 1-02, заведующего отделом сельского хозяйства 1-03, отдела культуры, балта и писем 1-16, бухгалтерия 1-12, зав. тип. разва 0-70.

Типография «Заветы Ленина» полиграфического объединения «Томь» управления по печати Кемеровского обл. исполкома.

Тираж 3646. Заказ 337.

Газета выходит три
раза в неделю:
вторник, четверг,
субботу